

ШЕДЕВРИ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ



Марко Вовчок



ИГРУШЕЧКА

ШЕДЕВРИ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ

Марко Вовчок

Игрушечка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Вовчок М.

Игрушечка / М. Вовчок — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (ШЕДЕВРИ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ)

«Іграшечка» Марка Вовчка – це російськомовна соціально-побутова повість, у якій авторка продовжує характерну для її творчості тему важкого життя поневолених людей***. «Жаліслива» поміщиця відібрала в матері-кріпачки шестирічну донечку Груню і, давши їй нове ім'я, перетворила на свою іграшку. Перу авторки належать й інші твори, у яких розкривається схожа проблематика, зокрема, повість «Інститутка», оповідання «Горпина», «Одарка» та ін.

© Вовчок М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Марко Вовчок

ИГРУШЕЧКА

(Посвящается Марье Каспаровне Рейхель)

Я родом-то издалёка, свой край чуть помню: увезли меня оттуда по шестому году. Вот только помню я длинную улицу да темный ряд избушек дымных; в конце улицы на выгоне стояли две березы тонкие – высокие. Да еще помню, у нас под самым окном густые такие конопли росли, а меж коноплями тропиночка чернела, а где-то близко словно ручеек журчал, а вдали на горе лес зеленел. Да еще я помню свою матушку родную. Все она, бывало, в заботе, да все сиживала пригорюнившись... Отца я не зазнала: он помер, мне еще и году не было. Жили мы в своей избушке... После, на чужой стороне, часто мне, бывало, те дни прошлые пригрезятся, что кругом поле без краю, солнце горит и жжет, сверкают серпы, валится рожь колосистая; я сажу под копной, около меня глиняный кувшинчик с водой стоит; подойдет матушка с серпом в руке, загорелая она, изморенная, напьется воды из кувшинчика, на меня глянет и мне усмехнется... А зимою! в печи дрова трещат, в избушке дымно; хлопочет заботная моя матушка, а в окно глянь – снежная пелена белая из глаз уходит; во всех избах сенные двери настежь, и валит из дверей дым серый... Деревья стоят, инеем опушились; тихо на улице; только задорные воробьи чирикают, скачут... И вдруг я в хоромых богатых очутилась, всюду шелки да бархаты, стены расписные, гвозди золоченые. Стою я середь горницы замираючи, а передо мной сидит на кресле барыня молодая, пригожая, разряженная. Сидела она и, глядя на меня, усмехалась. Маленькая барышня, румянящая, кудрявая, вертелась по комнате да, смеючись, все меня беленьким пальчиком затрагивала – вот словно как деревенские ребятишки галчат дразнят... Как схватили меня с улицы и посередь горницы перед барыней поставили, так и стою я да озираюсь: сердце у меня со страху закатилось... Понемножку я в себя пришла и плакать стала, стала к матушке проситься. Барыня в серебряный колокольчик зазвонила, и человек усатый вбежал: «Отнеси ее домой!» – показывает ему барыня на меня, а барышня как закричит, как затопает ножками!.. Барыня к ней целовать, унимать – барышня еще пуще... Выскочил из другой горницы барин щеголеватый... «Что? что?» Махнули на усатого человека: «Иди!», а меня не пустили, кусочек мне сахара дали и велели: «Не плачь». Потом я помню безлюдное да безбрежное поле да по полю дорогу змеей черною да помню свою тоску беспомощную... После уже, как я в лета вошла, то от людей узнала, что и как было.

Увидала меня на улице барышня гуляючи; я барышне приглянулась. «Дай мне эту девочку, подари!» – говорит она барыне.

Барыня ее уговаривать стала: «На что тебе такая замарашка, глупенькая!» Да барышня ничего слушать, знать не хочет: «Дай девочку!» Сама в слезы ударилась. Вот и приказали меня в хоромы привести. Привели, да уж и не выпустили. А господа в другую отчину выезжали, и на другой день у них был отъезд положен. «Хочу девочку с собой взять!» – кричит барышня. Попробовали ее уговаривать, только слова даром потратили. Барышня опять расплакалась, опять раскричалась; погладили ее господа по головке и велели меня в дорогу с собой снарядить. Приходила к ним моя матушка с горькими слезами: «Отдайте дочку!»

– Я б тебе отдала, да барышня не пускает, очень ей твоя дочка понравилась, – ответила моей матушке барыня. – Ты не плачь, пожалуйста: она ведь скоро барышне прискучит, детям забава не надолго – тогда сейчас твою дочку мы перешлем к тебе.

Вышла барыня из девичьей и говорит своей ключнице любимой:

– Ах, как жалко мне эту женщину! просто я на нее смотреть не могу. Идите, душечка Арина Ивановна, скажите ей что-нибудь, дайте ей вот денег... ну, отдайте что-нибудь из моих вещей похуже... Только поскорее, чтоб она шла себе, чтоб тут не плакала...

Вышла Арина Ивановна к моей матушке и стала мою матушку из хором гнать. Матушка пошла. На другой день, как мы уж выезжали, приходила она хоть проститься со мной – не допустили.

– Лучше ты не показывайся: раздразнишь девочку, и барышню еще в слезы введешь, и господ, чего доброго, разгневишь – твоей же дочке жутче придется.

Матушка и не стала добиваться. Только как мы из деревни выезжали, она спряталась на выгоне в конопли да издали на меня взглянула, поблагословила меня... А мне-то, глупой девочке, каково приходилось! От страха, от слез задыхалась, а из всех дверей на меня грозятся, сверкает на меня глазами ключница; барыня проплывет через горницу, усмехается, покажется в дверях барин щеголеватый, песенку себе насвистывает; прыгает барышня, веселенькая, – и все на меня глядят, и всех-то я боюсь...

Путь-дорога моя ясно мне помнится. Я ехала в бричке с ключницей, с Ариной Ивановной, следом за господскою каретой. Арина Ивановна была и гневна и придиричива; за мои слезы детские била меня; не позволяла мне из брички выглянуть и все мне спать приказывала. Я, бывало, как встречу ее глаз черный, злобный да голос шипящий слышу – меня уж дрожь пронимает. Тоска безутешная, страх беспрестанный да жаркое лето знойное совсем меня истомили – я захворала. Тогда меня перестали на всяком постое к барышне на забаву таскать – боялись, что болезнью ее заражу, – велели меня в бричке уложить и с барского стола мне подачки присылали... Бывало, едем-едем, и укачает меня, дремота нападет тяжелая да беспокойная, и вдруг что-то зашумит, пахнет в лицо прохладой; открою глаза – а то мы дубовый лесок проезжаем, и веет свежий ветерок, и зеленые листья шелестят полегоньку... Хочу приподняться. «Чего тебе? куда?» – прикрикнет Арина Ивановна... Я опять глаза закрою, и опять едем, едем под солнцем жарким, и какая-то птица звонко, звонко кричит... Иногда, бывало, барышня вырвется из кареты, вскочит в бричку и давай тормошить меня: «Вставай, вставай ты поскорей, мне без тебя скучно!» Случалось, что и сама барыня подойдет: «А что, Арина Ивановна, что Игрушечка?» Меня, видите, Грушей звали. Говорят, как спрашивала барыня у моей матушки: «Как твою дочь зовут?» – «Грушечка!» – ответила ей моя матушка. «Грушечка! Грушечка! – подхватила барышня. – Пусть будет она лучше Игрушечка!» Господа посмеялись, им понравилась кличка такая. С той поры и стала я Игрушечкой...

Приехали мы в отчину, в село Рогожино, и там господа на житье поселились. Сначала на новом месте все мне смутно представляется. Я лежала долго больна в избе душной, и поили меня какими-то горькими травами. Много людей в той избе толпилось; они себе и ссорились и мирились, и охали и веселы бывали. Были они все мне чужие. Я только на них смотрю, бывало, а они на меня-то разве мимоходом глянут – тоже им девочка чужая. Да и дела много у всякого. Известно, что дворня всегда в суете да в беготне. Хоть дела-то не велики, да лучше великих уходят. Изба эта была высокая, просторная – приходят, бывало, туда и самовары чистить и пряжу мотать, и белье стирать. Кто, бывало, в людской не поместится, сюда ночевать идет. Называли все эту избу избой запасною.

Вот только раз я лежу – приотворилась дверь, и кудрявая голова молодая выглянула.

– Что, все ушли? – проговорил высокий молодец, входячи в избу.

– Все, – ответила я ему.

– А ты что, девочка, лежишь? – ласково да весело так меня спросил.

– Больна, – говорю.

– Ах, бедненькая ты, завезенная крошечка! выздоравливай-ка скорее!

И пошел себе, и веселый его голос смолк... Арина Ивановна ходила ко мне всякий день и обед мне из хором приносила. Придет всегда сердитая, грозная: такой страх, бывало, на меня

напустит. Как только стала я поправляться, тотчас меня опять к барышне привели и уж с этого дня безотлучно при ней держали.

Рядом с детской была Арины Ивановны горница, а подле горницы маленький чуланчик темный, узенький, словно ящик, там я спала. Как вспомню, какие там на меня страхи находили! То представится мне, что кто-то к моему уху наклоняется – шепчет, то в потемках мне чьи-то глаза сверкнут, то чудится, что-то щелкает... Завернусь с головой в старенькое жалованное одеяльце, лежу, чуть дышу... И вспомнится мне вдруг, как меня матушка на руки брала, как меня голубила – больно сердчишко забьется, зальюсь слезами горячими... И долго и горько плачу, пока уж из сил выбьюсь, засну. И приснится мне матушка, я к ней прижимаюсь крепко, я хочу ей все рассказать, да пожаловаться, да приласкаться, а тут меня толкают, будят; сон прогнали, – и уж как я, бывало, эти сны отлетевшие оплакиваю, словно живых людей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.